

Анатолий
Ливри

ВЕСНА

Когда мы говорим об эмигрантской литературе, то подразумеваем что-то оставшееся в прошлом, законченное, подытоженное и расставленное в алфавитном порядке. И это, пожалуй, справедливо – русская литература в изгнании, по сути, перестала существовать одновременно с советской империей.

Анатолий Ливри, рассказ которого публикует сегодня «ДП», переехал во Францию тринадцать лет назад. Писатель, живущий в Париже в начале XXI века и пишущий по-русски, – это ли не архаизм? Да и проза Ливри мало напоминает современную. Ее язык ближе к языку обитателей парижских кварталов тридцатых годов – Бунину, Набокову, Алданову.

Ливри молод – минувшим летом ему исполнилось 32 года. Для литератора возраст детский. В 2003 году в петербургском издательстве «Алетейя» вышла его первая книга под названием «Выздоравливающий». Она состоит из шести новелл – оригинальных парадоксальных и всегда трагичных. Одна из них, давшая название книге (по объему это скорее повесть), стала причиной крупных неприятностей автора. В «Выздоравливающем» Ливри под вымышленными именами вывел своих коллег, преподавателей отделения славистики Сорбонны. По словам писателя, это стало причиной его увольнения из всемирно известного университета.

Мнения о прозе Ливри разноречивы – от обвинений в подражании не то Гоголю, не то Набокову, не то и тому и другому до восторженного признания творческой самобытности. (Кстати сказать, несколько недель назад в той же «Алетейе» увидела свет монография Ливри, посвященная Набокову.) Так уж вышло, что известен Ливри прежде всего за пределами России, и нередко о его творчестве берутся судить западные слависты, чей русский язык оставляет желать лучшего.

Из рассказов Анатолия Ливри мне больше всего по душе два – «Благодать» и «Ессе ното». В первом, монотонно-убаюкивающее описание одного дня из жизни французской девочки озаряется ослепительной вспышкой прозрения в финале – все изложенное оказывается сном умирающей старухи, которой привиделось детство. «Ессе ното» история жизни и смерти молодого еврея из Могилева, влюбившегося в концлагере в голубоглазую немку-нацистку. Этот короткий рассказ напоминает сжатую пружину – так много деталей и событий заключено в семи страницах текста.

Рассказ «Весна», предлагаемый вашему вниманию, типичен для Ливри и в то же время в нем звучит новая нота. Кто она, эта Полина Истрова? Почему покинула Россию? Мы так ничего и не узнаем о героине произведения, в фамилии которой слышен отголосок названия реки, протекающей близ города, где родился автор. Никогда не узнаем и о причине ее безумно-бездумного поступка, совершеного на избирательном участке. Да и важно ли это, ведь в памяти останутся чарующие детали: дождливый весенний Париж, запах влажной земли, растекающийся брикет сливочного масла.

Александр Свирилин

Рассказ публикуется впервые. Текст предоставлен «ДП» автором.

С остальными произведениями Анатолия Ливри можно подробно ознакомиться на сайте:

<http://www.geocities.com/anatolylivry/index.html>

Поля толкнула железную дверь, ступила на парижскую мостовую. Все вокруг – платаны, лохматый бездомный с исполинской бутылкой божоле, синие жандармы гуськом влезавшие в ненасытный микроавтобус – лоснилось от дождя. Холодный ветер разгонял тучи – впрочем, без всякой надежды на успех. Поля неловко повернулась, засунула ладонь в ледяной карман черных джинсов, проверила паспорт, билет, морщинистый сверток фольги и двинулась вверх по улице. А на нее со всех афиш глядели ряхи кандидатов – пучеглазые, крючконосые, острозубые, – шелестели бордовыми крыльями предвыборные плакаты, степенно раскачивались трехцветные хоругви, ежесекундно роняя по полудюжине крокодильих слез.

Подниматься было тяжело. Подчас Поля останавливалась, переводила дух, утирала привычным жестом – ото лба к подбородку – мокрое лицо и продолжала свой путь туда, где за желтым зданием школы горбился скомканным одеялом серый парк Бют-Шомо.

Несмотря на воскресный день двери школы были распахнуты настежь. Из них тотчас появилась тонкошея старуха в платье немецкого покроя, с желтым зубом на нижней губе и с корзиной немалых размеров, полной черных – как негритянские головы – капутных кочанов, кинула на крыльцо окурки и выдохнула из ноздрей пегую «сигму».

Поля посторонилась, снова ощутивши бедром приятный холодок – пропустила старуху, пропустила и клетчатого толстяка с зеленой повязкой вокруг головы, который показался на пороге, облегченно улыбаясь, будто выходил от проститутки и свистнул эльзасской овчарке. Та дрогнула седой бровью, нехотя поднялась с асфальта, ухватила за горло плюшевого поросенка и поплелась вслед за хозяином.

Поля вошла в коридор, чуть было не опрокинула знамя, въехала плечом в плакат «Tous aux urnes!» (Все на выборы!) и очутилась в актовом зале. Там, меж двух рядов парт кучка парижан трясла зонтиками. Брызги летели на гигантский прозрачный куб с щелью сверху; на пару служащих горсовета; на негра с деревянным костылем от общности; на трех нечесанных пенсионеров; на кабинки, огороженные светло-коричневой тканью. Негр был самым занятным из всей компании: в костюме брусничного цвета, зеленой рубаше с алым шелковым языком из кармана и троцкистской бороденкой, так и мелькавшей, когда он вопил: «Mais je l'ai pîcke, la Blanche!» – Тут он раскрыл редкозубую пасть – «Dans le cul! Que se qu'elle a aime за!» – и ухватился для пущей важности за костыль. – Хе-хе-хе! – забулькали эмиссары мэра – Хи-хи-хи-хи! – заурчали старухи, ожидая подробностей.

Поля сунула негру свою «карту», взяла конверт, без особого интереса набрала целый ворох бюллетеней и поворотилась к кабинке, где вот уже целую минуту переминалась пара прекрасных – видных до колен, entendons-nous – ножек. Четыре когтя зацепили занавеску, цокнул каблучок; ноги блеснули глянцем – и смощенничали – лицо было мужское, в очках и с фингалом в форме Швейцарии без Энгадина. Мужик закусал горло русской шалью (из тех, что шьют в парижских подвалах нелегалы-вьетнамцы) и тихонько пристроился за спиной Поли. – «Ах, да!», спохватилась она, и скорее, словно ей наступали на пятки, пошла к кабинке. Оглянулась. Юркнула туда. За тонкой перегородкой кто-то рыгнул и зашелестел бумагой. Тогда Поля достала из кармана ледяной брусок в фольге – замороженный еще с вечера кусок вендейского масла – бережно развернула его и вложила в квадратный конверт. – Mais qu'est ce qu'elle a aime за! – не унимался негр – Хи-хи-хи-хи – отозвались старухи.

Поля осторожно выглянула наружу и, взявши конверт, пристроилась за русской шалью. Негр, вытащил платок, и бил им, словно багряным хлыстом по костылю, заливаясь смехом. Мужик в черной юбке бросил свой конверт в стеклянный куб – а vote! – взвизгнула пенсионерка, та что напоминала ряхой дрофу, оперлась на иссохшую ногу и принялась тасовать, точно карточную колоду, фотографии кандидатов. Молодчик повернулся на каблучках-шпильках, поглядел сквозь Полю словно ее и не было. Она вся отразилась в линзах очков – бе-

лая рубашка, русая, до пояса коса, расширенные от напряжения глаза, – и пошел прочь, ловко вихляя бедрами – Pedel! (голубой!) – прыснула рыжая старуха с козлиной физиономией и в коричневом платье с голубыми рукавами. – Pedel! Pedel! Pedel! – подхватила дрофа, плюнувши при этом в торообразный свиток ветчины, который было высунулось из разрезанного брюха багетты.

– Pedel! – выл негр и, обнявши костыль, сам того не зная, танцевал камаринского. Хо-хо! Хо-хо-хо! – вскрикивали в такт ударам подошв члены горсовета и мигали старухам.

Поля протянула паспорт козлолицей. Та откусила шмат ветчины, вмиг проглотила, молниеносно облизалась и прочитала – «Мадмуазель Полина Ис-ш-ш» – тут она высморкалась в палевый клоч туалетной бумаги, деликатно спровадила его под парту – «ис-ш-ш-трррр», закашлялась – «атх-атх-атх!», снова прочистила нос, вдохнувши в себя все его содержимое, и закончила – «ова!» Уфф! – утерла она голубым рукавом гармошковый лоб.

– Истрова. Полина Истрова – поправила ее Поля глухим от волнения голосом. Жар хлынул к запястьям колючим потоком. УПоли застучало в висках. Она протянула руку и опустила в щель ледяной конверт. Тот тяжко шлепнулся поверх бумажной пирамиды.

– А vote! – крикнула дрофа, а рыжая вернула Поле документик.

– Неужели не заметили! – восхитилась Поля и, ускоряя шаг, пошла к двери: мимо пустых кабинок, мимо утомленного негра, мимо чернобуквенного плаката «Tout bulletin déchire ou tache sera nul!» – Каждый порванный или испачканный бюллетень недействителен.

А снаружи всю властвовало солнце. Пряно пахло влажной землей. Дождя как не бывало. Поля вложила кисть в еще холодный карман; боксерским нырком увернулась от голубя мира, нацелившегося своим клювом в ее левый глаз; прищурилась на битву луж и медовых пятен, на быкорогую тень Kawasaki с золотым испанским номером AF 20:04, на парк, который сейчас дыбился бешеными дубовыми кронами – точно пляшущая гора. Поля пошла вправо. Солнечный жар тотчас навалился на нее, и она представила как там, в стеклянном кубе, словно в гигантском инкубаторе, тает кусок соленого вендейского масла, как набухает жиром конверт. Еще немного – и масляные струйки начнут растекаться, проникая все глубже в ворох бюллетеней и отмечая их темными пятнами.

Поля шла легко – все внутри нее смеялось, звенело по-весеннему. Щекотало в паху: так бывает, когда ждешь подарка.

– Баррр! – грянул Kawasaki – Ррамм! Барррр! – зычно промычал он, и белоснежный вихрь пронесся по улице, нарушая все правила и оставивши в дураках красное светофорово око.

– Угу! уу! угу! – отозвалась из парка разбуженная сова. – «Ах как хорошо!» – не удержалась Поля и ласково улынулась нищему, читавшему эпитафию над обезглавленной бутылкой. – «Как славно!» И Поля, снова вообразив, как вливается внутрь демократической пирамиды струя вендейского масла, злорадно рассмеялась. Из микроавтобуса выглянуло плоское жандармское лицо, бдитительно уставилось на нее. Поля налегла локтем на дверь.

Вверх, вверх. Домой. Крылья ключа угодили в чавкнущую скважину замка. В темном коридоре не споткнуться бы о рюкзак! Споткнулась. – Угу-угу, – доносилось со стороны парка мягко и чуть насмешливо.

В спальне было жарко. Лепные лозы сочно переливались золотом вокруг богемской люстры. На столе – опустошенная бутылка Бержерака с черным следом вчерашней слезы через бастион на этикетке; гильзообразная тень использованного тампакса поверх обложки Антиinei. Крепко пахло спермой. Поля распахнула окно. Солнце сей же миг брызнуло масляным узором по воловьему боку дорожной сумки. И Поля вспомнила, что вечером, после четырехчасового полета на восток (приглашение с коронованным орлом в кармане?! Да! – отлегло от сердца), окажется она на даче зеленоглазого полковника, где есть и пасека, и бор у реки и старая винница. – Ха-ха! – вырвалось у нее и, повернувши рычажок на раме, Поля стала переодеваться...

Париж, 2004г.